

Этнографии Украины. Взгляд из европейского далёка, Еженедельник 2000 № 19–20 (738), 4.-10. сент. 2015 г., 4-5, http://www.2000.ua/v-nomere/aspekty/istorija/jetnografii-ukrainyc4-1_1431599228.htm, интервью вёл Ярослав Дмитренко.

В начале апреля в Русском ПЕН-центре состоялась презентация книги нашей бывшей соотечественницы Татьяны Хофманн «Литературные этнографии Украины. Проза после 1991 года». Монография создана по результатам диссертационной работы, начатой в Германии, в берлинском университете имени Гумбольдта и законченной в Швейцарии, в Цюрихском университете в 2013 году, т. е. до начала Евромайдана. Хотя автору не хочется приходить к выводу, что нынешние события на востоке Украины в определенной мере обязаны националистическому пафосу в украинской литературе, книга именно так может рассматриваться на фоне этой войны. Редакция еженедельника «2000» посчитала несправедливым, что разговор об Украине идет без участия украинской стороны, и решила присоединиться к беседе, отправив Татьяне вопросы электронной почтой. Ответы публикуем.

1) Татьяна, если я правильно понял, ваша книга является научной диссертацией? Расскажите, пожалуйста, о том, в каких вузах вы учились, и какой статус имеет ваша книга в научной табели о рангах?

Да, книга – результат диссертации, которую я начала писать в 2008 году в Берлине и защитила осенью 2012 года в Цюрихе, куда переехала после защиты. До этого я почти 20 лет прожила в Берлине, закончила там гимназию и там же с 2002 по 2007 год изучала европейскую этнологию (культурологию), германистику и славистику. Родилась я в Севастополе, откуда в 1993 году переехала со своей семьёй в Берлин. Вторая миграция, в Цюрих, была связана с тем, что моя научная руководительница, проф. Сильвия Зассе, приняла предложение перейти из университета имени Гумбольдта в Цюрихский университет. Я ездила под конец аспирантуры из Берлина в Цюрих, и постепенно полюбила Швейцарию. Утвердив тему для следующего проекта, я стала научной сотрудницей в Цюрихском университете. Тут я переработала диссертацию для публикации; книга вышла в конце прошлого года в старинном издательстве «Швабе» в Базеле. Для меня было важно, что книга выходит в свет в нейтральной стране. Что касается научной табели о рангах, то должна Вам признаться, что пока такой вопрос для меня не возникал. Я не слежу за статистикой цитирования и не считаю количественные данные в гуманитарных науках важным показателем. Диссертации в общем редко являются значимыми вне узкой публики университетов, но из-за Евромайдана эта книга вызвала повышенный интерес. Мне, конечно, любопытно, какой будет резонанс и, главным образом, последующий диалог. Книга – полемическая, это приглашение к дискуссии.

2) Научная работа подразумевает четкую постановку проблемы, определенный набор методик и достаточный материал для изучения, в данном случае, литературный. Как вы отбирали литературный материал (писателей и их произведения) и инструменты для его анализа?

Обоснованию методики и выбора материала уделено довольно много места в книге, потому что инструменты анализа заимствованы из разных сфер – это связано с тем, что я по главной специальности культуролог. Материал я отбирала, придерживаясь двух главных критериев.

Во-первых, тексты, которые описывают новую Украину после обретения ею независимости. При этом мне хотелось проследить, каким образом осмысливаются украинские города в литературе, как происходит конструирование регионов и как – образа нации в романах, рассказах и в эссеистике.

Второй критерий суживал эти широкие вопросы тем, что я решила составить выборочный, репрезентативный, более-менее уравновешенный корпус на украинском и на русском языке, который отражает двуязычность страны и напоминает о том, что территория сегодняшней Украины принадлежала не только разным государствам, но являлась территорией, на которой можно было услышать разные языки, и до сих пор является «местом воспоминания» в русско- и польскоязычной литературе, но не только. Если была бы возможность, было бы интересно проследить репрезентацию Украины и в польской литературе, и в румынской, и в еврейской, и в крымскотатарской – такое сопоставление могло быть ресурсом для действительно европейской идентичности Украины, которая принимает межкультурность, а не стремится к узкому определению одной нации, одного народа, одной территории и одного языка – без изменений и смешиваний. Такая концепция из европейской или по крайней мере немецкой точки зрения – пройденный этап, ее прожили в XIX веке во время национального романтизма и использовали для расовой идеологии в 30-е годы.

Конечно, необъятного не объять. Пришлось сконцентрироваться на трех городах – Львове, Киеве и Харькове – и на довольно приблизительном распределении регионов на Западную, Восточную, Центральную и Южную Украину, имея в виду Крым. Я придерживаюсь в основном литературы среднего градуса фикционализации, т.е. отобранные тексты ближе к документальности и реализму, хотя, конечно, с многочисленными отклонениями и, частично, отрицанием собственного «реализма». Так как анализ рассматривает репрезентацию современной Украины, отброшен пласт фантастической литературы и поэзии. Я лично люблю поэзию больше, чем прозу, но ее в книге не касаюсь – сохраняя удовольствие от чтения и то идеальное представление, что хорошая литература настолько неоднозначна, что она вне идеологии. Личный вкус, по-моему, не должен доминировать в выборе литературы для анализа, но иногда определенное внутреннее отторжение не позволяло мне включить некоторые книги в корпус анализируемых текстов. Так, например, «Московиада» Юрия Андруховича и «Дефилиада в Москве» Василя Кожелянко выпали из окончательного манускрипта.

Это отторжение было вызвано например специфическим, я бы сказала «историческим юмором». Я считаю, такая литература втягивает в зону злободневного и довольно «злого» смеха. Мне как читателю не хотелось принимать участие в таком ярком высмеивании собственной же истории Украины. С другой стороны, обсуждение этих произведений тоже необходимо, оно позволит их деконструировать, показывая на их примере границы постколониального дискурса.

Немалую роль играли и исходные условия отбора литературы. По семейным обстоятельствам я не могла поехать в Украину на значительный срок, чтобы читать на месте. Я начинала искать материал, но в Берлине в университетских библиотеках и в государственной библиотеке книг из современной Украины было немного. Однако удалось вместе с библиотекарями составить списки требующихся книг и заказать довольно много литературы. Тем временем рецензии, отзывы и развивающаяся переписка с авторами также влияли в какой-то мере на мой окончательный выбор материала.

Я долго размышляла о том, насколько влияет на само исследование тот факт, что я ее пишу не в Украине, и решила, что, может быть, это и к лучшему. Все-таки, это наблюдение над тем, как украинская культура формирует себя с помощью литературы, и такое наблюдение должно оставаться по возможности «в стороне», без вовлечения в этот процесс. Мне кажется, что если бы я потеряла дистанцию по отношению к Украине и к самой теме, работа получилась бы менее объективной.

Но, разумеется, субъективность присутствует у нас так или иначе.

Мне вовсе не хотелось полемизировать и политизировать, а скорей осторожно и обоснованно указать на опасности, которые были заметны в литературном дискурсе. Хотелось предоставить инструмент для обсуждения эстетико-политического образа Украины, для анализа конструкции культурного пространства. И мой подход, и мои выводы – суть предложения для дальнейшей разработки. Пусть они будут сухими и скучными. Реальность за литературой, которую описывают эти, быть может, абстрактные для посторонних концепции, стала, к сожалению, достаточно конфликтна.

Писав книгу, я решила как можно более прозрачно указать, из каких побуждений выбрана тема, из какой перспективы я к ней приступаю и с какими трудностями встречаюсь. Ссылки на такие аспекты «за кулисы» производства в литературоведческих работах обычно отсутствуют, но в этнологии рефлексия над собой – часть методики. У меня был идеал – совместить друг с другом взаимодополнительные моменты этнологии и литературоведения.

Конечно, междисциплинарность означает, что какие-то типичные черты узкодисциплинарных методов опускаются или изменяются. В данном случае можно было бы писать работу в виде этнографии литературного поля Украины – это была бы другая книга. Можно было бы также провести полевые исследования, прожив по полгода во Львове, Киеве и Харькове и написать приятно читаемые тексты об этом опыте. Может, когда-нибудь так и сделаю. Но в этой книге я писала, наблюдая за тем, как в литературе представлена этнография Украины, ее городов и регионов. Я считаю, что переломные – в духовном, социальном и персональном плане – периоды всегда сопровождаются интересными рефлектирующими произведениями литературы и искусства. Таким образом, литература и искусство являются неисчерпаемым источником вопросов со стороны таких дисциплин как социология, этнология и культуроведение/культурология.

3) Послужила ли объектом изучения эссеистика и беллетристика украинских писателей, уже переведенная на немецкий язык (другие европейские языки) или вы имели дело с более широким пластом литературы в оригинале?

Несомненно, переведенные на немецкий книги современных украинских писательниц и писателей привлекли с самого начала мое внимание – и тот факт, что многие из них печатались в издательстве Suhrkamp, которое издает, как правило, высококачественную литературу и теоретические произведения. Прочитав там изданные книги, я была частично разочарована, и мне было непонятно, почему не слышна критика некоторых произведений. Эмоционально было нелегко порой сберечь мотивацию для долговременной самостоятельной работы, когда первоначально доброжелательное расположение и любопытство сбиваются... Но я читала далее, и довольно много. В университетских библиотеках есть возможность заказывать книги и приобретать оригиналы. Это длится до года и иногда не получается, но какие-то книги все-таки появились, украинские полки в Берлинских библиотеках постепенно стали пополняться и дали толчок библиотекарям регулярно следить за новинками. Очень важно, что в Берлине выписываются многие журналы и газеты из Украины, из которых можно было извлечь рецензии и частично – сами произведения. Некоторые тексты можно было найти в интернете. В Берлине регулярно проходили чтения писателей и поэтов из Украины, а еще там пребывал целый год профессор Тимофей Гаврилов (Тимофій Гаврилів), у которого можно было консультироваться. Я благодарна авторам, что по личной просьбе мне присылали свои тексты по электронной почте – это получалось легче, чем в немецкой среде, где ситуация с авторскими правами строже. Я сперва и не ожидала,

что найду так много материала, а потом пришлось выбирать.

4) *В тезисах к докладу среди русскоязычных писателей, чьи произведения анализировались, упомянуты Игорь Клех, Олег Постнов и Людмила Улицкая. Насколько объективно включение в их число Улицкой, если она вообще не имеет отношения к Украине (даже Восточной)?*

Людмила Улицкая написала роман о Крыме – «Медея и ее дети». Когда я работала над книгой, Крым входил в состав Украины, и так как в украинской литературе я почти ничего о Крыме не нашла, я остановилась на этом произведении, оно заполняло пробел. Олег Постнов лично не сильно связан с Украиной, насколько мне известно, но опять-таки было важно, что он написал неоромантический роман о Киеве («Страх»). То есть, при выборе текстов я исходила именно из текстов и их связи с современной Украиной. Биографическая связь авторов с Украиной не являлась критерием. В этом я придерживаюсь подхода структуралистов. Биография и история всегда сильно влияют на восприятие текстов как таковых. И в данном случае особенно, каждое историческое объяснение несет в себе какой-то политический оттенок. Этот ракурс мне хотелось отодвинуть, чтобы показать, что литература, осмысливающая локальную идентичность – распространенный, закономерный феномен, и у него свои эстетические механизмы выстраивания культурного пространства, которые касаются не только Украины, они универсальны.

Первоначально я хотела вообще отказаться от биографических и исторических ссылок, чтобы полностью подходить к литературе как к сумме приемов, которые возникают в связи с ее функцией призма общества в момент его перелома. В беседе с коллегами я сталкивалась с просьбой представить в Германии неизвестных авторов и описать незнакомые, даже экзотичные регионы и города, в особенности их историю. Попыталась пойти навстречу, но в моей книге речь идет скорей о том, как литература разрабатывает биографические связи персонажей с пространством в Украине, какие исторические аспекты и трактовки им важны, и какая эстетика формирования локальных и национальных идентичностей образуется.

5) *В какой мере на ваш интерес к украинской литературе повлиял первый украинский Майдан?*

Когда я училась в университете, у меня такого интереса не было. Я себя чувствовала немкой, и с 1993 года ни в Украине, ни в России ни разу не была. Майдан вызвал интерес к украинской литературе со стороны читателей в Германии, и это повлияло на меня, поскольку меня стали спрашивать, что я об этом думаю как человек «из Украины». Я себя никогда не ощущала украинкой. И этот вопрос стал для меня вызовом, на который я, возможно, и стала отвечать этой книгой.

6) *Какой была реакция на Майдан немецких СМИ, и соответствовала ли она вашим ожиданиям?*

Так сложилось, что мне в тот период было интересней изучать норвежский язык и посещать лекции о скандинавской литературе. У меня не было никаких ожиданий, и я не следила особо за реакциями СМИ на первый Майдан. И только после того, как я стала посещать выступления Юрия Андруховича и читать его статьи в немецких СМИ, мне стало понятно, что этот писатель объясняет Украину немецкой публике, активируя ресентименты холодной войны. Как украинец, интеллеktуал и как культуролог, он представлял высоту украинской культуры и как бы доказывал правду об Украине. Он восхищался Майданом, и у нас Андруховичем восхищались полные залы – в том числе и в университете, что меня удивило. Насколько я помню, большинство газет и журналов поддерживали Майдан как прорыв в правильную сторону (к демократии), не уделяя особого внимания очевидным проблемам, как

например, олигархии. То, что «Последнюю территорию» Андруховича напечатали в Suhrkamp в оранжевой обложке, можно считать реакцией поддержки, это был решающий PR.

Раньше я думала, что с сотрудниками издательств, которые отвечают за выбор восточноевропейских писателей, можно обсуждать книги, как я это привыкла делать в рассудительных и свободных семинарах по литературе. Но реальность рынка и политики иная. Остается надеяться, что она не полностью достигнет университетскую сферу. Я предложила перевести на немецкий тексты об Украине Игоря Клеха, чтобы дополнить голос Андруховича. У него тоже много эссе о Галиции, он жил во Львове и в Ивано-Франковске, и у него есть удивительная повесть «Поминки по Каллимаху». Но увы, пришлось осознать собственную наивность: издательство отбирает писателей не без политической конъюнктуры.

Я включила обоих, Андруховича и Клеха, в свою книгу. Дать мне интервью первый из них тогда затруднился, а с Игорем Клехом у нас развилась переписка и дискуссия – вплоть до его участия сейчас на моем выступлении в ПЕН-клубе. Я не пыталась их противопоставлять – скорее, стремилась показать, что при совмещении творчества обоих писателей образуется диалог, и такой диалог необходим обществу в Украине. Т. е., в какой-то мере книга – реакция на первый Майдан, и ее главный тезис – вести разговор, обнаруживать переклички и рассматривать свое прошлое и настоящее как богатство, во всем их разнообразии...

7) С момента обретения независимости жители Украины являются свидетелями ревизии истории, ключевыми моментами которой является декоммунизация и сопутствующее ей желание низвергнуть бывших героев и возвести на их постамент новых или забытых старых. В какой мере эта ревизия заметна в Европе и поощряется ли она?

Я не историк. Мне встречались американские, украинские и немецкие историки. Из последних немало критически отзывались об этой ревизии. Вильфрид Йильге написал несколько статей о том, как память о Второй мировой войне переписывается в национальной украинской политике. Но несмотря на такие критические комментарии после первого Майдана, сейчас, десять лет спустя, в ситуации намного более обостренной, реакции немецких историков скорее поддерживают официальную украинскую линию. Голоса, подчеркивающие значимость советского прошлого, не оценивающие его априорно из сегодняшней точки зрения, вызывают отрицательные реплики, так в случае с известным историком Восточной Европы Йоргом Баберовским из университета Гумбольдта. Он недавно ответил очередной раз на инвективы – ссылаясь на базовые задачи историков: <http://zeit.de/2015/13/ukraine-russland-putin-werte>

Дискуссия продолжается дальше в связи с законами о трактовке националистического и советского прошлого в Украине накануне 70-летней годовщины капитуляции Вермахта.¹ Пока что ярче проявляется в критическом внимании европейских СМИ память о Второй мировой войне в России, которая часто оценивается журналистами как ужасающая пафосная ревизия. Безальтернативная апология Украины и осуждение России – дискурсивный автоматизм, который требуется преодолеть, если мы не хотим дальше подпитывать огромный геополитический конфликт.

---

¹ Верховная рада приняла закон о запрете коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и их символики. Также был принят закон о признании "Организации украинских националистов" и "Украинской повстанческой армии" (ОУН-УПА) борцами за независимость Украины в XX веке и предоставлении ее членам права на социальные гарантии. (<http://ria.ru/world/20150421/1060067477.html>)

8) *Как это отразилось в вашей литературной этнографии?*

История, конечно, играет весомую роль на уровне ее осмысления и использования в рассмотренном мною художественно-документальном материале. В своем анализе мне не хотелось оказаться эхом национальной истории, скорее хотелось указать на то, что история в литературе – опора конструкций локальной и национальной идентичности. Выводы из этого могут делать, скорее, те исследователи и писатели, кого будущее украинской идентичности затрагивает лично. История все больше напоминает мне огнемёт; я же считаю себя пацифистом.

Независимая Украина была возможностью для семиосферы, как в концепции Юрия Лотмана. Тогда еще это было довольно открытое состояние, то, что по-немецки можно назвать «Aushandlung», т.е. процессом, поиском, состязанием разных мнений и культур на одном уровне, как мне кажется, но может я ошибаюсь.

Сейчас такая возможность для диалогичной трибуны пропала. Майдан ее не заменил, а скорее удалил. Теперь тенденция к гомогенизации сильнее. Наверное, в стремлении к нации в узком смысле понятия, разница между идеальным конструктом культурной идентичности и ежедневным опытом будет и далее напоминать о том, что люди живут как будто «ниже» и «вне» идеальной конструкции – ее не достичь, она в конце концов унижает личное достоинство. Почему достоинство только возможно, если ты европеец или, наоборот, считаешь Запад врагом? Мне странно и больно наблюдать за черно-белой полярностью этого мышления, которое, кстати, и в Украине и в России встречается. И в этом пункте немного хочется напомнить о недавно забытом постмодернизме. Стоит опять думать в категориях смещения, гибридности и переливания, и меньше придерживаться власти разделений в «ясные смыслы», которыми обосновывается и сама война. Это скорей спасет жизни, чем идея о национальном спасении, воскресении и продолжении древних зачатков с помощью войны.

Конечно, если бы я сейчас занималась дальше этой книгой, она бы уже не смогла отодвинуть историю, когда история сама захлестнула литературу в виде множества антологий и сборников, реагирующих на Евромайдан, но отнюдь не всегда рефлектирующих его на дистанции, а больше продолжая его на трибуне печати. Мне хотелось бы это уже обсуждать с самими людьми, а не только с произведениями.

Мне хотелось бы также написать об индивидуальных стратегиях конструирования постсоветских идентичностей. Уверена, что они схожи в Украине и в России, и возможно, вообще универсальны. Почему *Homo postsovieticus* не смотрит спокойно на себя в зеркале – в прямом смысле и в переносном, в зеркале литературы? Мне он интересен. Принцип отбора в подходе к собственной истории, жажда ее восстановления и жажда вникнуть в историческо-культурный образ, которой помогает существовать и любить страну – он везде и по структуре похож, даже если он по содержанию противоположен. В этом пункте сравнения и поиска универсальных механизмов создания идентичности я останусь структуралистом.

Еще о *Homopostsovieticus*. Если у меня будет время и возможность, я напишу хотя бы немного об этом понятии, которое придумала в последнее время, когда чаще стала ездить в Восточную Европу. Это понятие, это состояние и меня, и моего поколения тоже касается. Я наблюдаю, как некоторые люди живут непонятными мне представлениями о Европе; некоторые удаляются в прошлое, некоторые где-то застряли. Почему мы не в состоянии уважать себя во всей растерзанности между советским прошлым, постсоветским настоящим и смутным будущим? Страх будущего и ужас потери прошлого блокирует развитие. Промежуточный период очень тяжелый, да и со стороны, на Западе тоже следует делать на это скидку, точно так же как и на переходный возраст у молодых людей. Может, достоинство состоит

именно в том, чтобы принять все прошлое и настоящее и смотреть смело советскому прошлому Украины и России в лицо, и юности обоих государств в их нынешнем виде, тоже.

Если мы не получаем нового опыта, если не меняемся, то мы не растем – и не живем. При этом «развитие» не стоит равнять с телеологией, как это делается в национальных историях, которые пытаются найти как можно более давнюю дату происхождения нации и отдельного народа и написать задним числом историю из ряда шагов достижения независимости и свободы (войн, жертв, героев, в том числе и национальных писателей-героев символической власти), ориентируясь при этом на актуальную политику.

Я лично устала от ревизий и того, что разногласие приводит к ссорам и рушит социальные связи. Конечно, каждое государство нуждается в национальной истории, но пока нет общего знаменателя, должна идти открытая дискуссия, иначе история будет разделять, а не соединять население.

Может, стоит начать на индивидуальном уровне, обращаться не к художественной литературе, не к официальным учебникам и не к гуманитарным наукам, которые служат государству, и начать с того, что каждый сам для себя проводит личную этнографию. Что, если мы начнем расспрашивать своих родителей и бабушек об их жизнях и рассматривать с ними фотоальбомы, записывать их воспоминания, обсуждать их с ними? Что им было важно, как они жили и где? В каждой семье есть свои правды и кривды, и в каждой то, о чем невозможно или не охотно говорить. Но именно это и есть та история, на которую можно положиться и которая нас с вами создает. Ее можно оформлять в виде устного предания, в виде семейного романа, в виде стихотворения, можно оставить заметки для наших детей, можно выложить материал в социальные сети – эстетика второстепенна, но неизбежна. Главное, чтобы истории были услышаны и осмыслены теми, кого они касаются и кому они способствуют в понимании себя. Эту ответственную роль жаль отдавать „Забытым секретам“, „Из того можно сделать некоторые рассказы“ или „Лексикону интимных городов“. В роли семейного этнографа и краеведа каждый может проводить свои „ревизии“, как писатель и читатель одновременно.

Я мечтаю, можно сказать с улыбкой, о литературной демократии, в которой не только „продвинутые“ писатели принимают участие, а любой человек с интересом к культурному становлению. Так может возникнуть большой массив индивидуальных и индивидуально оформленных автобиографий, семейных историй, портретов, интервью, рассказов и очерков. Думаю, это была бы литература, которая могла бы помочь выработать стабилизирующую идентичность населения в Украине и в любой другой переходной стране.

Эти мысли об документальной письмо-терапии не развернуты в моей книге, но именно так книга и вопрос о поиске собственной истории отражаются сейчас во мне.

Вы понимаете лучше, чем я, что у каждого на территории Украины, и за ее пределами много переплетенных семейных связей – с привязанностями к родным местам, языку, национальности, а может и нет: официальная национальность в паспорте вовсе не всегда соответствует внутренней. Мне было бы интересней услышать и читать о таких переплетках, чем об исконной украинскости или русскости. У нас советское прошлое, и это включает и то, что Андреас Каппелер, историк России и Украины, назвал *Vielvölkerstaat*, *многонациональное государство*.

9) *Одна из ваших фраз: «Мне при работе над книгой говорили, что пишу я очень или даже слишком нейтрально, то сейчас я начинаю сталкиваться с проблемой, что нейтральность к Майдану и сегодняшней ситуации в Украине, не говоря уже о*

ее не поддержке, воспринимается как провокация». О чем это?

При работе над книгой, когда я представляла ее части, мне советовали писать так, чтобы чувствовалась моя личность, моя позиция и моя цель. Но моя цель не была стратегической, моя позиция не была заостренной и свою личность в научной работе делать выпуклой неуместно. На фоне Евромайдана и войны книга внезапно воспринимается вовсе не нейтрально, и при этом по-разному, но я продолжаю искать как можно более нейтральные способы говорить о сегодняшней Украине. Если меня просят написать, например, о реакции писателей, я спрашиваю разных, в том числе и из Луганска. Уже это ставится под сомнение. Неполитизированные разговоры об украинской литературе становятся невозможными.

10) Насколько я понял, один из основных выводов вашего труда заключается в том, что современная украинская литература сильно пропитана националистическим пафосом. На каких фактах основано это заключение?

Она пропитана не столько пафосом, сколько ангажированностью национальным вопросом. Но и пафосом тоже – например, у Оксаны Забужко. Факты – это сами произведения, доклады, интервью и реплики литераторов. Есть и пафос «среднеевропейскости», как я бы назвала конструкцию «возвращения» западной Украины в мифологическую Центральную Европу 80-х. Не говоря уже о пафосе последнего года.

11) Для нового поколения лидеры сегодняшнего литературного процесса – уже классики. А их слово в определенный момент становится призывом к действию. Прослеживается ли связь между литературными трендами и общественными катаклизмами, переживаемыми сейчас Украиной?

Мне очень не хочется проследить такую связь. Хочется верить в то, что литература и искусство скорее предотвращают войну, чем способствуют ей. Реальность настолько убедительно обогнала сухие, абстрактные и во всей своей теоретичности безобидные размышления в моей диссертации, что невозможно отрицать связь между тем, что и литература и авторы принимали участие в формировании общественного мнения, на почве которого стала возможна данная ситуация.

12) Кто из украинских писателей накапливал в своем творчестве наивысший заряд прямого общественного действия?

Возможно, раньше это был скорее заряд общественного сознания. На мой взгляд, к ним относятся уже названные Оксана Забужко с ее художественной прозой и научными произведениями, Юрий Андрухович с его эссеистикой и публицистикой, и публицист Микола Рябчук. Их я выбрала из-за их большого резонанса в Украине и на Западе.

13) Вы говорили, для вас было откровением заявление Юрия Андруховича в Берлине о непродлении аренды ЧФ РФ и возможности продажи Крыма России. Кстати, еще один известный писатель – Василий Шкляр (автор романа «Черный ворон») в 2011 году также высказывался за отделение Крыма и Донбасса. Как подобные призывы воспринимались европейскими собеседниками Андруховича – студентами, журналистами?

К моему удивлению, тогда никто не реагировал на это. Сильнее, чем политическое содержание высказывания, меня поразили высокомерие и неприязнь. Наверное, я машинально почувствовала себя тогда солидарной с крымчанами и задумалась, что будет далее с Крымом.

Но мне не с кем было об этом поговорить. Со временем я познакомилась в Берлине с

журналисткой «Русского Берлина», девушкой из Киева и Донецка, и с ней мы между собой, но не в официальных СМИ, обсуждали впечатления после подобных выступлений представителей украинской интеллигенции – и нередко смеялись над нелепостью того, как объясняется писателями и произведениями Украина для Западного читателя. Теперь расслабляющий смех пропал.

Тогда для большинства немецкоговорящей публики Украина была чем-то веселым и экзотичным в анекдотах Андруховича. Он на этом и спекулировал, особенно в эссе – что может говорить, что захочет, поскольку всегда можно потом сказать: это игра, ирония, прием! И кто не понял юмор, тот сам виноват... Эти его политические высказывания формально совпадают с довольно своеобразным юмором в Берлине – там можно шутя сказать про нелюбимую Баварию: мол, «она сама по себе и лучше бы ее полностью отделить».

Недавно Микола Рябчук в одном интервью заявил, что он рад Украине без Донбасса и Крыма, – подтвердив свой давний тезис о разделении Украины и потребность ориентироваться на ее Запад. Я переслала это интервью своим студентам. Дальше, как это расценивать – уже личное дело каждого. Пока молчат.

14) Из сказанного вами в московском ПЕН-центре: Германия не может позволить себе националистический пафос, но проецирует его на независимые страны бывшего Советского Союза, поддерживая их компенсаторный национализм. Хотя в Германии не могут не понимать опасности этого явления. Почему же так происходит?

Могу только догадываться. Нацизм и Вторая мировая в Германии считаются исчерпанной темой. Она уже в школе надоедает молодежи, да и учителям тоже, как мне казалось. После дневника Анны Франк воспринимается разве что еще роман «Чтец» Бернхарда Шлинка.

Мое поколение в основном считает, что эта тема нас не касается. Берлин для туристов поддерживает буквально осколки прошлого и другие продукты памяти – для них в городе остатки стены, сувенирные фотографии и музей победителей (Alliiertenmuseum) в составе американской, английской и французской армии. Русско-немецкий же музей – в здании, где была подписана капитуляция – находится на другой окраине города и роль Советской армии также маргинализирована. И она, и Советский Союз представлены как опасность, дикость, тоталитаризм и причина построения стены, разделяющей семьи и требующей жертв. Скорее всего, отрицательное отношение к Советскому Союзу переносится на сегодняшнюю Россию, которая продолжает в таком восприятии быть угрозой. Оно мне особенно часто встречалось у восточных немцев, помнящими, что до перестройки они были лишены свободы и зачастую репрессированы органами ГДР. «Из-за русских у нас почти никогда не бывало бананов», объясняла мне одна сокурсница из ГДР «кошмар» жизни до 1989 года... Помимо зависти «экономическому чуду» Западной Германии многие немцы, которые жили на территории Восточной Германии, были изгнаны Советской армией с территории бывшей Польши. И другие унижения войны тоже, вероятно, до сих пор травмируют отношения.

В Швейцарии чувствуется непредвзятость к русскому языку, какое-то освобождающее отсутствие исторического балласта. В Германии необезвреженные мины семейных несчастий излучают негатив. Дискурсивная атмосфера – действительно опасная преграда для общения с Россией. Кроме того, приравнение российского авторитаризма и советского тоталитаризма обрезает возможности нейтрального исследования советского прошлого, и возможность общения с Россией. «Понимающий Россию» (Russlandverstehер) стало ругательством в Германии, особенно в научной сфере.

Отношение Восточной и Западной Германии к социалистическому прошлому и к сегодняшней России – важная научная тема, ждущая деликатного изучения. Точно так же сейчас повышена потребность в прикладной этнографии. Надо ехать в Украину и в Россию, наблюдать и анализировать, причем не только различия, задавать вопросы – причем не только тем, кому хочется, чтобы их приглашали выступать на Западе. Общаться с людьми разных социальных слоев, проверять собственные удобные представления и действовать во взаимном разуме, учитывая все интересы на территории Европы.

15) *Германия, несомненно, имеет серьезный опыт излечения от нацизма. Какую роль в этом процессе играли немецкие писатели и деятели культуры? Что наиболее ценного из этого опыта могут взять сегодняшние украинские писатели?*

Это очень сложная роль. Я не уверена, насколько опыт излечения окончен, глядя на Мекленбург-Форпоммерн и Саксонию. Прекрасный Дрезден имеет долгую традицию правых в парламенте. В Германии до сих пор есть хорошо организованные правые партии. Излечить от нацизма писатели вряд ли смогли. Немецкие писатели сталкивались с высказыванием Адорно, что поэзия после Освенцима невозможна, что она – варварство. И писатели, начиная с «Группы 47», искали новый язык. Это и сейчас, на самом деле, огромная задача перед всеми нами, глядящими на Россию и Украину. Для ее решения вряд ли обойтись без осмысления языка в постмодернизме, если мы хотим учесть неоднозначность и проблематичность поиска идентичностей.

Так что же было в Германии, помимо официальных жестов? Молчание. Десятилетиями не могли его найти, этот язык, сюжет и ракурс на прошлое, от которого хотелось избавиться – и наслаждаться экономическим чудом благодаря плану Маршала и позже экспорту в рынки сбыта той же Восточной Европы.

Желание молчания и даже умалчивания мне раньше не казалось странным, я сама стала умалчивать то, что я не настоящая немка. Это почти 20 лет удавалось. Но прошлое наших семей нас догоняет в самые непредсказуемые моменты. Внезапно в личных отношениях исчезает доверие и близость. Внезапно враги и друзья определяются как будто не нами, взрослыми и просвещенными субъектами, а силой непроработанной, дикой истории.

Мы не настолько автономные субъекты, как нам хотелось бы, и как бы мы ни хотели избавиться от биографии и истории, мы под ее влиянием, с одной стороны. Но, с другой стороны, у нас есть мощный инструмент – язык –, чтобы управлять ею, исправлять ее, от нее отталкиваться и ее, хоть и частично, принимать.

Поэтому тексты, насыщенные историей, важно анализировать и следить за переписыванием коллективной истории, как властного нарратива. Со своей стороны, я добавляю метод (само)этнографии на микроуровне, начиная с личной биографии и семейной истории. Это мой идеал дискурсивной демократии, такой минимальный принцип «checks and balances».